

Сказка о злой жене. Русская народная сказка

1.

Злая жена худо с мужем жила, ничего мужа не слушала. Велит муж ране встать, так она трои сутки спит; велит муж спать, а она нисколько не спит. Велит муж блины печи, а она говорит: «Не стоишь, вор, блинов!» Муж говорит: «Не пеки, жена, блинов, коли не стою»; она выпечет кринку в два ведра и говорит: «Ешь, вор, чтоб съедено было!» — «Ну, — говорит, — жена, не стряпай и на сенокос не ходи; мне тебя жаль!» А она говорит: «Нет, вор, я пойду, и ты ступай за мною!»

Только он побился с ней, помаялся, пошел с горя в лес по ягоды, и нашел куст смородины, и увидел в этом кусту бездонную яму; поглазел он и смекнул: «Что я живу со злой женой, маюся? Не могу ли я ее в эту яму засадить, не могу ли я ее проучить?» Пришел в избу и говорит: «Не ходи, жена, в лес за ягодами!» — «Нет, шишморник, пойду!» — «Я нашел куст смородины, не бери!» — «Нет, сама пойду, оберу, тебе не дам смородины!» Муж пошел, жена с ним; пришел к кусту к смородине, а жена вскочила в куст и матом кричит: «Не ходи, вор, в куст, убью!» — и сама полезла в средину, да в яму-то и хлоп бездонную!

Муж с радостей в избу пошел и прожил трои сутки, на четвертые пошел проведывать; взял бечеву длинную, пустил в ямищу и вытащил оттуда чертенка; испугавшись, и хочет чертенка в яму опустить. Закричал тот матом, замолился и говорит: «Крестьянин, не обрати назад, пусти на свет! Пришла злая жена, всех нас приела, прикусила, прищипала — тошно нам! Я тебе добро сделаю!» Крестьянин отпустил его на божью волю — на святую Русь. Чертенок и говорит: «Ну, крестьянин, пойдем со мною во град Вологду; я стану людей морить, а ты — лечить».

Ну вот пошел чертенок по купеческим женам и по купеческим дочерям; стал он в них входить, стали они дуреть, стали они болеть. Вот этот крестьянин — где заболит — придет в дом, а неприятель-то вон, в дому благодать будет, и смекают все, что этот крестьянин — лекарь, деньги дают, да и пирогами кормят. И набрал крестьянин денег несметную сумму себе. Вот чертенок и говорит: «Полно, крестьянин, с тебя, доволен ли ты? Теперь я пойду в боярскую дочь; мотри не ходи ее лечить; не то съем я тебя!»

Боярышня заболела и так задурела, что требует людей есть.

Приказал боярин крестьянина найти — такого-то лекаря отыскать. Он приходит в хоромы и велит боярину, чтоб все горожане и кареты с кучерами стояли в этой улице противу дому боярского; потом дает приказ, чтоб все кучера щелкали в арапельники и матом кричали: «Злая жена пришла, злая жена пришла!» — и сам пошел в комнаты. Пришел он в комнаты: чертенок возлился на него и говорит: «Что ты, русский, зачем пришел? Я тебя съем!» Он говорит: «Что ты! Я пришел тебя не выживать, а пришел, тебя жалея, сказать: зла-то жена сюда пришла!» Черт на окошко вскочил, вытаращил зенки, да и чует: все одним матом орут: «Злая жена!» — «Крестьянин, — взговорил черт, — мне-то куды деваться?» — «Ступай опять в ямищу: она туды больше не пойдет». Черт туды и ушел к злой жене. За это боярин пожаловал милость, дочку (за крестьянина) замуж отдал, пол-именя подарил, а злая жена и теперь в яме сидит в тартарары.

2.

Собирался мужик в поле, говорит жене: «Не пеки блинов». А жена говорит: «Вот таки напеку!» — «Если напекешь, так в поле не носи». — «Вот таки напеку и понесу!» — «А понесешь, так через мост не ходи». — «А вот пойду, так пойду!» — «А пойдешь, так каменьев в пазуху не клади». — «Вот накладу, так накладу!» — «А наладешь, так с мосту в воду не сигай», — «Вот сигну, так сигну!» — «Если прыгнешь, так чертей не пужай». — «Вот распужаю, так распужаю!»... Едет мужик с поля, выскочил чертенок и кричит ему: «Дядюшка, возьми свою жену, а то нам житья от нее в воде нет!» — «Не надо мне ее», — отвечал мужик. «Я, мужичок, шляпу денег принесу». Мужик и от денег отказался, только чтоб чертенок с женой к нему не вязался.

3.

У Антипки была распрезлющая жена да детей куча. Антипка — слово, баба — за рычаг да в бок норовит. Захочет Антипка проучить жену, возьмет кнут, а баба разорется-раскричится, до того разозлится, что выхватит из люльки ребенка за ногу и давай им отмахиваться; глаза вытаращит, пена у рта, черт-чертом! Не стало Антипке житья. Что стареет жена, то хуже. Стал он задумываться, как бы жену сбыть? И придумал.

Воротился однажды из лесу такой развеселый и гуторит жене ласково: «Послушай-ка, моя женушка! Заживем мы с тобой по-боярскому, разряжу тебя павою, — ведь я нашел казны гибель страшную, несметную». — «Где, пострел? Покажи-ка мне! Не во сне ли тебе, чучелу, пригрезилось?» — «Нет, моя ластушка, нет, моя любушка! Хоть очми не досмотрел, а ушми дослышал, как злато-серебро перезвякивало». — «Да где?» — «Там, в лесу, в провале, что над самым крутояром, подле дуба-то тройчатого». — «Ну, пойдем, — говорит баба ласковее, — да смотри: коли сбрежал, задам вытаску! Как же ты слышал? Расскажи-ка мне». — «Вот видишь, захотелось мне швырнуть камень в еван-то ямище; швырнул, а целковики да, кажись, лобанчики так и зазвякали. Я в другой раз, ан еще дюжей! Я и в третий — право слово, звякают!» Пришли к ямищу — черно, глубоко! «Ну, жена, вот булыга — брось сама, коли мне веры не даешь!»

Баба взяла камень да, наклонясь, бросила, а Антип тем часом потрафил ей в шею: баба кувырк, полетела в ямище и не пикнула. Только пришел Антип ко двору, детишки — все девчуря мелкая — с визгом его встретили: «Батя, каши, батя, хлеба, батя, молока!» А тут сам корову дой, сам на речку беги — пеленки стирай, лошадей убирай да ночь не спи — малолеток качай. «Ай, ай! — вскричал Антип, почесываясь в затылке. — С бабой была беда, а без бабы десять бед, и работать некогда!» Обнищал Антип и вздумал думу новую: «Да пойду жену вытащу!» Начал собирать обрывки да веревки, от лаптей оборки, связал все вместе, наставил и надвил, на конце клепец в аршин присадил; пошел к ямищу, опустил веревку с клепцом да потряхивает. И вот мудреное дело — на веревке что-то потяжелело, а не с бабу весом; стал наверх тащить, тащил-тащил, глядь — на конце чертенок сидит, вершков шести, весь в шерсти. Антип закричал: «Прочь! Знаю, ты мал, да шибко удал! Отцепись, проклятый, да ступай туда, где прежде был; на белый свет я тебя не пущу; слышь, как раз перекрещу».

Взмолился бесенок: «Антипушка! Я добрый черт, я тебе богатство дам: станут по чужим домам вселяться, а ты меня словом гони да деньги греби. Только, слышь, до двух раз! Выберу тебе богачей на заказ. Как злая баба в ямище упала, нам просто житья не стало!.. Вытащи, Антипушка! Я свое обещание сдержу, на корень твой двор посажу; будут у тебя батраки и батрачки, наймешь няньку за детьми ходить, будешь с господами хлеб-соль водить». Соблазнился Антип, вытащил беса наружу — на канате вдруг полегче стало, бесенка словно ветром унесло.

Не прошло и недели, как слышит Антип, что у богача-подрядчика в больших каменных палатах поднялась громотня, стукотня, по ночам хохот, беготня, жильцам житья не стало! Идет Антип к подрядчику, поклонился и говорит: «У вас, батюшка, в доме нечисто, поселился презлой бесенок; ты ничем его не выживешь, разве мне приказать изволишь». — «Гони, гони, Антипушка! — говорит подрядчик. — Во как поклонюсь»: — «Добро! — отвечает Антип. — Из поклона ведь шубы не тачают, а я мужик бедный семьянистый; у меня семь дочерей — старшой лишь осьмой годок пошел, а баба-то сбежала, так за всем сам присмотри! Дай мне на каждую дочь по тысяче, я твой дом обойду, свистну да слово скажу — и не будет чертей».

Подрядчик не стал спорить, достал кошелек, отсчитал семь тысяч и повел Антипа по своим упокоям. Антип что войдет в упокой, свистнет и закричит: «Вон!» В ответ ему из-за печки пищит: «Уйду!» Обошел весь дом — и везде сделалось и тихо и смирно. Поздравил хозяина с благодатью в дому; ну, хозяин подносит ему и вина заморского, и травнику, и наливки, а на стол закусок наставил: яйца вкрутую да щуку обливную, разные колбасы и всякие припасы. Подгулял Антип, на целую неделю наелся — аж подпояску долой! Простился с подрядчиком и поплелся до дому. Завелись у него и батраки, и батрачки, и кони славные, и всякого добра много. Молва об Антипе далеко бежит, что Антип — мастак ворожить, и хоть не бабка он, а большой чертогон!

Вот через месяц, через два, шлет из города откупщик гонца за Антипом. «Помоги, Антипушка, у нас несчастье», — сказывает гонец. «Что, ай дом горит?» — «Нет! Хоть не горит, а пуще того: нечистая сила откупом вертит; в дому и шум и гам, паутина да грязь по чанам. Откупщик за плату не постоит, только возьми, брат, от беса полечить». — «Хорошо!» — промолвил Антип, заложил в беговые дрожки рысака и поехал к откупщику на двор. Откупщик берет его за руку, с честью в дом ведет, вперед ему ход отдает, что слово — почтенным величает, на мягки диваны сажает. «Родимый, помоги!» А Антип бородку гладит, на десять тысяч ладит; деньги в карман кладет и, свистнув, по палатам идет: прогнал беса, везде и тихо и смирно! «Спасибо, — сказал откупщик, — за твою послугу прикажу тебе бочку вина отвезти в дом».

Поехал Антип от него мимо гостиных рядов: на черепенники и калачи уж и не глядит. «Подавай сластей!» — говорит. Приезжает домой, глядь — на дороге приказчик стоит: «Эй, Антип! Собирайся скорей на боярский двор». — «Зачем?» — «Да, вишь, черт поселился, бедами качает, боярыня слезно

рыдает, дети ревмя ревут...» — «Родимый Иваныч! Помилуй, я в третий раз не смогу черта прогнать». — «Поди-ка изволь с барином толковать! Коли, говорит, к ночи не выгонит беса вон, так я его на конюшне с головы до пят испарю, на поселенье сошлю, а дочек на барщину возьму, на тальках-то заморю!» — «Нечего делать, — отвечает Антип, — сейчас прибегу; дай только лошадь отпрягу».

Антип был мужик из десятка не простого, наострился людей надувать, захотел обмануть и духа злого. Отпряг рысака, долой новую одежду, сыскал старую и ту в клочки изорвал, волосы овином встрепал, переделся в старье, сапоги на осметки сменил да исцарапал в кровь лицо и побежал в село на боярский двор. «Ты зачем, — говорит бесенок, — разве забыл уговор?» — «Знаю, — отвечает Антип, — я гнать тебя не хочу, сам у боярина защиты ищу; ведь моя баба из ямы выдралась, следом за мною бежит, хочет со свету изжить!» — «Как? — закричал бесенок. — Из ямы выдралась, за тобою бежит! Нет, лучше я к братьям в ямище уйду; теперь, чай, без бабы пирушки в аду!» Убежал бесенок в ямище — и стихло в боярских хоромах. Тут боярин Антипку на милость принял, от барщины ему совсем отказал.

Воротился Антипка домой, глядь — на дворе бочка с вином стоит; не обманул откупщик! Созвал он соседей — и давай угощаться; на другой день надо опохмелиться, опохмелился да не в меру — опять пьян напился... С той самой поры начал он и по дням, и по ночам к бочке прикладываться: все ему жена грезится! Заснет — а она на грудь коленом станет да за горло давит; проснется — а она в углу стоит да кулаком грозит. Страшно и жутко! Поневоле за чарку возьмешься. Умер Антип от запою; отнесли его на погост, девчонок на барщину взяли, а добро и казну по рукам растащили.

4.

«Батюшка, жениться хочу, матушка, жениться хочу!» — говорил добрый мóлодец. «Женись, дитятко!» И женился, выбрал себе бабу длинную, черную, косую; понравилась сатана лучше ясного соколá, и пенять не на кого, сам себе виноват! Живет с нею и кулаком слезы утирает. Пошел раз на сходку, где судят да рядят; постоял там и воротился домой. «Что шлялся, — спросила косая баба, — что слышал?» — «Да говорят: новый царь настал, новый указ наслал, чтоб жены мужьями повелевали». Он думал пошутить, а она и на ус замотала. «Ступай, — говорит, — на речку рубахи мыть, да возьми веник — хату подмети, да сядь к люльке — дитя закачай, да щи,

кашу свари, пироги замеси!» Муж хотел было молвить: «Что ты, баба! Мужичкое ли это дело?» — Да как взглянул на нее — холодом облило, язык к горлу пристал. Потащил белье, замесил пироги, хату вычистил, и ничем не угодил.

Прошел год и другой; наскучило добру мблодцу в хомуте ходить, да что делать? Женился — навек заложился! А век-то может, надолго протянется.

С горя выгадал выгадку. Была в лесу яма глубокая, конца-дна не видать; взял он — заклал ее сверху палочками, затрусил соломокю; приходит к жене и рассказывает: «Ты не знаешь, жена, как в лесу-то клад есть — и звенит, и гремит, и золотом рассыпается, а в руки никак не дается; я подошел было к нему, нос с носом стоял, дак мне не дался — посылай, говорит, жену!» — «Ну, пойдем, пойдем! Я возьму, а тебе шиш!» Пошли в лес. «Тише, баба! Тут провальная земля, отсюда клад выйдет». — «Ах ты, дурень мужик! Всего боишься. Вот как я-то прыгну!» Прыгнула на солому и провалилась в яму. «Ну, ступай! — молвил муж. — Я теперь отдохну».

Отдыхал он месяц и другой, а там и скучно стало без косой. Выйдет в лес, выйдет в поле, подойдет к речке — все об ней думает: «Может, стала она и тиха и смирна; дай-ка выну опять!» Навязал коробью, опустил под землю; слышит — села, тянет вверх, вот и близко... глядит, ан в коробье чертенок сидит! Мужик испугался, чуть веревки из рук не выпустил. Взмолился чертенок, закричал ему вслух: «Вынь меня, мужичок! Твоя жена всех нас замучила, загоняла. Повелишь что творить, стану тебе вечно служить; вот хоть сейчас побегу в боярские хоромы, мигом заварю кашу, буду днем и ночью стучать да бояр выживать, а ты скажись знахарем, приди, закричи на меня — я выскочу и уйду. Ну, ты и гребни деньги лопатою!» Мужик вытащил коробью; чертенок выпрыгнул, отряхнулся — и поминай как звали! В тот же день в боярском доме все пошло наизворот. Стали искать доку: добрый мблodeц вызвался докою, выгнал черта и получил плату хорошую.

Скоро пронесся слух, что у князя во дворце, в высоком тереме завелись домовые и не дают княжнам покою. Из конца в конец разослали по всей земле гонцов звать-собирать знахарей. Со всех царств собрали — нет проку, домовые стучат и гремят. Пришел и наш дока, узнал старого знакомого, стал на чертенка и кричать и плевать; чертенок и не думает бежать, полюбилось ему в князем терему жить. «Погоди ж, когда так! — закричал дока. — Эй, косая баба! Подь сюда». Тут чертенок не высидел и со всех ног махнул из-за печки вон. Доке честь, доке слава, дока деньги гребет; но недаром говорят, что и в самом раю тошно жить одному. Сгрустнулось

добру мѳлодцу, и пошел опять косую искать. Навязал коробью и опустил в яму: баба села, он и потащил ее кверху. Вот уж близко! Баба вверх подымается, а сама зубом скрипит да кулаками грозит. Со страстей затряслись у мужика руки, сорвалась коробья — и загремела косая баба по-прежнему в ад.

5.

Зла жена худо с мужем жила, ничего мужа не слушала. Велит муж работать, так она трои сутки спит; велит спать, так нисколько не спит. Велит муж пироги пѳчи, а она вздумает на полати лѳчи; не велит муж печку топить, а она нарочно истопит и выпечет оладий целое ведро. Долго муж с ней бился, и пошел раз по смородину, набрался смородины и пришел домой.

Жене стало завидно, она и сама взяла корзинку большую-пребольшую и пошла по смородину. Муж говорит: «Не ходи!» — «Нет, нарочно пойду!» Зла жена дошла до смородинника, не успела сорвать двух ягод, как провалилась в яму, где черти сидели да горшки лепили.

Прошла неделя. Муж говорит: «Дай схожу, посмотрю — что сделалось с женой?» Подходит к смородиннику и слышит в яме страшный крик и визг. Один из чертей закричал: «Крестьянин! Вытащи нас отсюда; зла жена пришла, всех нас приела, прикусила; вытащи! Я сам те службу сослужу». Жалко стало крестьянину черта; он спустил в яму веревку и вытащил оттуда черта.

Черт с крестьянином заключил вот какое условие: пойдут они в большой город Вологду; черт будет селиться в жены знатных купцов и бояр, а крестьянин лечить. Дошли они до города. Черт то в ту, то в другую женщину селится, и всякая только примет в себя черта, так и взбеленится, точно с ума сойдет. Придет крестьянин и точно водой смочет, вылечит — как вылечит.

Крестьянину славное житье; везде его принимают, кормят пирогами и рогульками; умирать не надо! Черту стало завидно; поселился он в дочь воеводы и не выходит оттуда. Крестьянин лечит, а толку нет; и выдумал он вот какую хитрость: велел, чтоб все горожане и лакеи с кучерами бегали по улице и кричали благим матом: «Зла жена пришла, зла жена пришла!» Лишь только велел это сделать, как черт насмерть перепугался, выпрыгнул из дочери воеводской — прыг за окошко! Воевода отдал дочь за

крестьянина, а злая жена и теперь сидит в тартарары.

Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: В 3 т. — М.: Наука, 1984-1985.